

УДК: 159

DOI: 10.25629/НС.2023.08.13

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Сухов А.Н.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются последствия цифровизации социальной сферы. В статье так же раскрывается необходимость обеспечения информационной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная сфера, цифровизация, информационно-аналитическая деятельность, экстремальная ситуация.

Цифровизация – тренд XXI века. Она проникла везде и всюду, значительно увеличивая возможности массовых информационных технологий. Её позитивные последствия по своим масштабам носят глобальный характер и вполне очевидны. Вместе с тем цифровизация таит в себе и ряд негативных моментов, которые раскрыты в монографиях, научных статьях и т.д.

Социальная сфера по своей структуре многомерна. Она складывается из целого ряда сфер: политической, экономической, общественной и др.

Последствия цифровизации социальной сферы так же носят как позитивный, так негативный характер.

Что касается первого варианта, то здесь имеются в виду увеличение возможностей информационно-аналитической, а также повышение эффективности социально-психологических технологий работы с населением, в том числе в экстремальных ситуациях.

Информационно-аналитической деятельности в социальной сфере необходима для разработки стратегии развития социальной политики, прогнозов и сценариев событий, принятия оперативных решений, оценки качества социальных услуг [10]. Однако в этой области есть немало не до конца решённых вопросов теоретического и практического плана. Они связаны с неразработанностью показателей, объективностью полученных данных, неадекватностью методик, процедурой проведения опросов и т.д.

Мониторинг позволяет уточнить статистические данные, получить оценку качества оцениваемых услуг, целенаправленно подходить к проведению психосоциальной работы с населением.

Естественно, что информационно-аналитическая деятельность не может обойтись без основных социально-психологических диагностических технологий, т.е. методов и методик сбора и обработки конкретных данных.

Массовые социально-информационные технологии воздействия посредством СМИ должны заниматься культивированием социально одобряемых ценностей. На отдельных каналах телевидения такое практикуется, например, на канале «Культура». Принят закон о защите детей от негативных, вредных ценностей. Но этого явно мало. Коммерциализация культуры, погоня за рейтингами заставляет СМИ получать прибыль на основе удовлетворения не самых высоких потребностей. Здесь свои законы диктует культура потребления.

В результате показа нескончаемого потока сцен насилия возникает психологическая травматизация, «катастрофическое сознание», деформация социальных представлений. В связи с этим необходим нравственный фильтр. Такой опыт в ряде стран имеется.

Ещё в середине 20-го века проводились исследования влияния экстремальных условий, в том числе, изоляции и других специфических факторов на человека. Дело в том, что они рожают целый «букет» синдромов: тревожность, социальные страхи, стресс, фобии, депрессию, панику, травмы, кризисы, агрессию и вместе с тем паралич целей и прочее [5].

Автор в своей докторской диссертации, защищённой в 1991 году (ЛГУ), обосновал и описал феномен изоляционный деформации. Цель исследования заключалась в преодолении последствий этого явления, то есть эффектов «призонизации»: депривации, монотонности, краудинга, неопределённости и т.д.

Но реальная пандемия к данному букету последствий добавила ещё угрозы, связанные с опасностью заражения. Это обстоятельство на первый план поставило проблему безопасности, соблюдения мер безопасности в процессе контактов и т.д.

Понятно, что в условиях коронавируса возникает необходимость к переходу на дистанционный режим работы с помощью цифровых технологий. Как правило, такое происходит в большинстве случаев в различных организациях.

В основе дистанционного или онлайн обучения или работы, иначе говоря «на удалёнке» лежат именно массовые информационные технологии (ЭОЭС – электронные образовательные системы). Актуальность нормативного обеспечения дистанционного обучения и работы очевидна. Оно крайне необходимо применительно к определенным категориям и ситуациям. В частности, инклюзивное образование вне дистанционного обучения практически не реализуемо. В данном случае оно оправдано, выполняя гуманную роль. В экстремальных ситуациях техногенного, природного, эпидемиологического и социального характера обучение и работа в основном возможны только дистанционно. Но практика применения дистанционного обучения в условиях коронавируса обнажила ряд проблем, связанных с его использованием. Это была выявлено в результате опроса родителей учащихся средней школы.

Что касается трудностей применения дистанционного обучения в условиях ВУЗа, то они также носят не менее острый и разнообразный характер.

В то же время ясно, что в условиях пандемии обойтись без него невозможно. Дистанционное обучение в мировой практике широко используется в нормальных, не осложненных условиях в качестве технологии повышения уровня самостоятельной работы обучаемых.

Нельзя проводить подготовку студентов в дистанционном режиме прежде всего в медицинских, технических, военных и других вузах. «На удалёнке» нельзя научить оперировать, актёрскому мастерству проводить опыты, языковую подготовку, играть на музыкальных инструментах и т.д.

Таким образом, дистанционное обучение, работа на «удалёнке» с помощью цифровых технологий не просто желательны, но фактически незаменимы в случае возникновения экстремальных ситуаций, в рамках инклюзивного образования и самостоятельной работы.

Тем не менее это не является основанием полной замены классического образования дистанционным.

К сожалению, социально-информационную технологию и ресурсы можно использовать не только в прогрессивных целях, но и для достижения политического, экономического, духовного, военного превосходства либо давления одного государства (партии, социальной группы, личности и т.д.) на другое, применяя при этом незаконные и безнравственные способы. Имеются в виду «цветные революции», «мягкое оружие», «ментальные войны», тотальный информационный контроль и т.д. [11].

То же самое можно сказать и об отдельной личности. При этом следует учитывать тот факт, что в последнем случае влияние информации может быть исключительно сильным, способным привести к самым серьезным деформациям, вплоть до изменения психики, доведения ее до болезненного состояния, т.е. нанесения человеку и прежде всего детям серьезного социального, психологического и психического ущерба (травмы) в результате возникновения интернет- и других видов информационной зависимости [12]. Более того, информация может стать

побудительным мотивом к суицидальному поведению, вызывать широкомасштабные протестные действия, экстремистские выступления, террористические акты, крупные вооруженные столкновения и т.д. Нельзя сбрасывать со счетов борьбу за информационное превосходство тех или иных социально-политических сил.

В этом контексте существенную роль играет информационно-психологическая война на разных уровнях. По мнению военных экспертов, 21 век будет характеризоваться всемерным развитием средств и способов ведения информационной войны, которая включает любое действие по прерыванию, использованию, искажению или уничтожению информации противника, а также защиту своих средств от аналогичных действий противника. Не случайно поэтому специалисты выделяют новый вид оружия – ментальное, информационно-психологическое.

Информационно-психологическое оружие воздействует на психику человека в основном с помощью средств массовой информации, интернет, социальных сетей, видеотехнологий и т.п.

Информационная война – известное понятие в области отечественной политической науки, включающее в себя различные аспекты политической, экономической и социокультурной действительности. Корни возникновения такого явления, как информационная война уходят в древность, хотя для современного обыденного сознания – это прежде всего компьютерные вирусы и воровство новых технологий. Информационная война ведется с помощью манипулирования знаниями, охватывает СМИ, влияет на образование и разрушает традиционные «старые» культуры.

В литературе встречается понятие «информационное противоборство», трактуемое как «форма борьбы между государствами, представляющая собой целенаправленное использование информационного оружия для реализации политических и военных интересов и защиты собственных информационных ресурсов». В мирное время оно носит скрытый характер и обеспечивает как решение текущих задач, так и постепенное накопление необратимого превосходства.

В настоящее время ведутся не просто информационно-психологические, но в основном гибридные, санкционные войны.

В основе гибридных конфликтов лежит выделенная и обоснованная автором законспирированная, латентная модель поведения в конфликте, т. е. борьба под прикрытием посредством «легендирования», лжи, фейков, специальных средств криминогенного общения для достижения скрываемых целей. Это наиболее опасная модель, которая практически обрекает одну из сторон на поражение путём её дезориентации, невозможности осуществления своевременных ответных действий. В случае применения данной модели одна из сторон дезориентируется и конфликт не осознаётся и не воспринимается как конфликт до поры до времени. Реализуется гибридная модель поведения в конфликте с помощью лжи, фейков, специальных средств криминогенного общения. С учётом этого можно сказать, что гибридные конфликты – это деструктивные конфликты под прикрытием. Иначе говоря, это такие конфликты, которые используются для прикрытия реальных целей. Они имеют двойственную (амбивалентную) природу: внешнюю («пушистую») и внутреннюю («колючую»). С одной (внешней) стороны, всё прекрасно (на словах благородные цели декларируются), но с другой (внутренней), наоборот: всё ужасно (на самом деле преследуются прямо противоположные интересы). Этот приём используется для прикрытия истинных целей.

Гибридные конфликты можно сравнить с фарисейством, шоу, бутафорией, грязью в красивой упаковке. Они проявляются в интригах, закулисных играх; словах и действиях за кадром, «закрытыми» дверями; планах, скрытых от «посторонних глаз и ушей». Специалисты по гибридным конфликтам «тихой сапой» решают проблемы.

В рамках спланированных гибридных конфликтов в качестве прикрытия используются различные манипулятивные приёмы: прежде всего управляемые конфликты, предлоги, поводы, ложь, тщательно продуманные, спланированные комбинации и пр.

Таким образом, оправдывают начало захватнических войн, «цветных революций», так работают мошенники на доверии т.д. Например, группа «Белые каски», руководителем которой

был экс-сотрудник одной из спецслужб, снимая и демонстрируя подложное видео о применении якобы химоружия, способствовала обвинению одной из сторон не причастной к этому инциденту, тем самым эскалации вооружённого конфликта.

Гибридные конфликты бывают и межличностными, и групповыми, и семейными, и организационными, и массовыми. Несмотря на различия, связанные с масштабностью событий, суть их по существу одинакова. Ложь и обман, «фейки» и подлоги, манипуляции и мошенничество, «шоу» и «преданность в глазах» – везде одно и то же.

В тоже время гибридные конфликты рано или поздно выполняют и диагностическую миссию, когда срываются маски с лиц и «маски-шоу» заканчиваются.

Известная пословица: «Мягко стелет, да жёстко спать» раскрывает сущность гибридных конфликтов. Так и бывает. Когда наружу вылезает скрытая информация, то именно она помогает разобраться в истинности происходящего. Такова сущность гибридных конфликтов.

Гибридные конфликты так же широко используются в сфере экономики при ведении «торговых войн», «очернении» конкурентов, подрыва их репутации.

Определённые гибридные конфликты умело применяются организаторами в качестве повода начала массовых беспорядков путём оправдания действий их участников и обвинения сотрудников правоохранительных органов. То же самое наблюдается и при организации других массовых эксцессов [11].

Модернизация цифровой сферы, как ни парадоксально, затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения.

Известно, что современное криминогенное общение используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. Речь прежде всего идёт о шифровании информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи информации через специальные интернет каналы и т.д. [7].

При этом следует иметь в виду, что криминогенное общение применяется не только в рамках общеуголовной, но и организованной преступности. Это важное обстоятельство, раскрывающее уровень опасности этого явления.

Манипулятивные приемы широко используются в криминальной сфере. Известно, что мошенники применяют манипулятивные приемы для вымогательства денег от родственников и знакомых лиц, якобы совершивших ДТП. Делается это по сотовой связи. С помощью манипуляций совершается в большом количестве обман в виде предложений по совершению покупок по фантастически выгодным ценам. С помощью таких профессиональных ухищрений мошенники пытаются получить реквизиты счетов, снимают большие суммы. Подобным образом реализуется так называемое «лохотронство» [7].

С учётом этого в современных условиях глубокий и всесторонний анализ информационной безопасности становится важнейшей социальной потребностью общества. Эта потребность обусловлена целой совокупностью социально-психологических факторов. Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что информационная безопасность – это прежде всего право общества на получение достоверной информации, сохранение тайны и конфиденциальных сведений путем противодействия перехвату, прослушиванию передаваемых сообщений, проникновению в компьютерные сети; защита личности и общества от воздействия на них информационно-психологических угроз, диффамации и клеветы; контр-борьба в ходе информационно-психологических войн; борьба с преступностью в сфере информационных и телекоммуникационных систем, а также использование PR в ходе предвыборных кампаний и для обеспечения организационной и личной безопасности»[12].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баева И.А., ред. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / И.А. Баева. – М., 2006.
2. Власов А., Кесарева Т., Лазарев Д. Проблема борьбы с преступностью в сети Интернет // Право и экономика. – 2000 – №12 – С.73-75.

3. Доктрина информационной безопасности РФ // Российская газета. 2000, 28 сентября, с. 4-5.
4. Коваль, Т.В. Личностная сфера подростков, склонных к развитию компьютерной зависимости: Автореф. дис. канд. психол. наук [Текст] / Т.В. Коваль. – М., 2013.
5. Пенитенциарная психология. Под науч. ред. А.Н. Сухова. – М., 2021. – 1248 с.
6. Сухов А.Н. Социальная психология безопасности. – М., 2002. – 256 с.
7. Сухов А.Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения / Вестник Московского университета МВД России. 2020. №4. С. 267-272.
8. Социально-психологические технологии работы с различными группами населения / Под ред. А.Н. Сухова. – М., 2019. – 271 с.
9. Сухов А.Н. Психология социальной работы. – М., – 2019. – 278 с.
10. Сухов А.Н. Социальная конфликтология. – М., – 2021. – 225 с.
11. Сухов А.Н. Информационная безопасность: теоретико-практический аспект // Психолого-педагогический поиск. – 2021. – №1(57). С.183-191.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION OF THE SOCIAL SPHERE

Sukhov A.N.

S.A. Yesenin Russian State University

ABSTRACT

This article analyzes the consequences of digitalization of the social sphere. The article also reveals the need to ensure information security.

KEYWORDS

social sphere, digitalization, information and analytical activity, extreme situation.